

Жуйков Алексей Владимирович

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье рассмотрен вопрос методологических оснований теории модернизации. В качестве исходной эпистемологической позиции используется теория радикального конструктивизма, представлена основная аргументация этой теории, обоснована применимость для социального познания. На основании нормативно-интерпретативного подхода представлены альтернативные позиции относительно процесса модернизации, предложен их методологический синтез.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-2/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 38-41. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ROLE OF MASS MEDIA IN FORMING POSITIVE IMAGE OF INTERNAL AFFAIRS AGENCY STAFF

Zhernovoi Mikhail Vasil'evich, Ph. D. in Law

All-Russian Research Institute of Ministry of Home Affairs of the Russian Federation
primvni@mail.ru

Shevchuk Galina Yur'evna

Vladivostok State University of Economics and Service
artemdvgu@yandex.ru

The authors analyze the social stereotype of law machinery, consider the problems of its interaction with mass media, reveal the ways of increasing the positive image of home affairs agency staff, by presenting the results of a sociological survey of the Primorsky Territory population reveal the level of public confidence to information sources of law enforcement direction, and give recommendations on the development of priority directions in the work of internal affairs agency with mass media.

Key words and phrases: mass media; internal affairs agency; sociological survey results; police; population; level of confidence; positive image formation.

УДК 101.1:316.42

Философские науки

В статье рассмотрен вопрос методологических оснований теории модернизации. В качестве исходной эпистемологической позиции используется теория радикального конструктивизма, представлена основная аргументация этой теории, обоснована применимость для социального познания. На основании нормативно-интерпретативного подхода представлены альтернативные позиции относительно процесса модернизации, предложен их методологический синтез.

Ключевые слова и фразы: теория модернизации; эпистемологические принципы; социальный конструктивизм; нормативно-интерпретативный подход; социальные изменения; механизмы модернизации; теоретический образ.

Жуйков Алексей Владимирович

Новосибирский государственный технический университет
zhuikov2007@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ®

Теория модернизации не нова. Не существует и однозначной конвенции относительно общих теоретических основ этой теории. Но, тем не менее, нельзя утверждать и обратного, а именно, что она устаревшая, а следовательно, не актуальна. И что она не годится для объяснения современных социальных изменений. О необходимости модернизации чего-либо можно слышать каждый день, однако что это такое и как ее осуществлять – куда реже. В социологическом дискурсе, начиная с 50-х годов, эта теория пережила трудную историю: от перспектив и надежд к разочарованию [3]. Сегодня вновь можно наблюдать уверенный рост интереса к данной проблематике, однако с большей критичностью и осмотрительностью. Цель данной статьи – попытка описания методологических принципов теории модернизации. Соответственно, дальнейшие рассуждения будут касаться не столько самой теории, сколько методологии ее построения.

Рассуждения о предельных основаниях теории модернизации, насколько они адекватны на практике или насколько возможен их перенос на реалии другого общества, мы оставляем за скобками. Подобные рассуждения носят скорее прикладной характер, чем эпистемологический. Главный же вопрос теории модернизации с эпистемологической точки зрения заключается в том, как вообще возможно постороннее теории, адекватно описывающей реальные факты? Однако и тут могут возникнуть разногласия: какой подход наиболее адекватен в описании фактов? Какой из фактов реальнее? И что принять за исходную посылку исследования?

Может показаться, что это слишком абстрактные вопросы, однако как только кто-нибудь попытается высказать некое суждение о социальных изменениях, и в частности модернизационных, он *a priori* будет вынужден избрать некоторую этическую, эпистемологическую и пр. посылки. Например, суждение о том, что экономическая экспансия некоторых корпораций порождает развитую инфраструктуру региона и более доступный уровень цен на товары, противоположно тому, что этот же процесс разрушает традиционный уклад жизни местных жителей или даже вообще их культуру [5]. Но какая из интерпретаций истинна? Вопрос бессмысленный, поскольку каждое высказывание содержит разные основания и «точки отчета». Следовательно, возникает вопрос: насколько вообще резонно говорить о возможности единой объективной и беспристрастной оценки этих процессов? Конструктивисты заявляют: таких резонансов нет. Всякая реальность есть продукт нашей интерпретации, а не объективного ее понимания. Присмотримся немного внимательнее к позиции конструктивистов и поставим вопрос: возможно ли сочетание этого подхода с теорией модернизации? И какие это может принести результаты?

При описании эпистемологической позиции радикального конструктивизма можно обратиться к известной метафоре «платоновской пещеры» [2]. Главным последствием этой метафоры в теории познания, считает А. В. Кезин, оказалось разделение на объект и субъект. А в онтологии – разделение на познающий субъект и объективно существующий мир, находящийся вне его. Отсюда и постоянное стремление всей западной науки и части философии к объективности познания, т.е. к идеальной репрезентации «действительного мира». Обобщенно эту позицию называют реализмом, т.е. теорией, признающей существование мира вне (или за пределами) познающего рассудка.

Однако параллельно с различными видами реализма существовала традиция, продолжением которой, по сути, является конструктивизм, называемая скептицизмом. Не вдаваясь в неуместные здесь исторические рассуждения, заметим только, что основной пафос скептиков заключается в отрицательном ответе на вопрос о познаваемости объективного мира или даже существования самого мира. Или, продолжая образ Платона, мы вынуждены смотреть «из пещеры», поскольку достоверно знать о том, что за ней, мог лишь только сам Платон. Радикальность радикального конструктивизма состоит в том, «что знание принципиально не может *отражать* или *соответствовать* никакому реальному миру ввиду того, что единственный ему доступный “реальный мир” – это и есть тот мир, который субъект сам *конструирует* в процессе познания» [8, с. 10]. Нетрудно понять, почему эту позицию также именуют «эпистемологическим солипсизмом», но именно эпистемологическим, поскольку вопрос об онтологии не является ключевым для конструктивистов.

Важной особенностью радикального конструктивизма является введение субъекта познания, так настойчиво избегаемого в классической науке. Это означает необходимость исследования не только (или не столько) объективных процессов, но также и субъективных переживаний этого процесса, в нашем случае – индивидуального субъекта социальных изменений.

Обобщить описание взглядов радикальных конструктивистов можно словами его создателя Э. фон Глазерсфельда: «(а) знание не обретается пассивным образом, оно активно конструируется познающим субъектом; (б) функция познания носит адаптивный характер и служит для организации опытного мира, а не для открытия онтологической реальности» [Цит. по: Там же, с. 6].

Если согласиться с выводами радикального конструктивизма относительно вопросов в эпистемологии, то возникает следующая проблема: насколько они применимы в социальном познании? Отвечая на этот вопрос, будет продуктивным анализ понятия «теоретический образ» как последовательного шага реализации идей конструктивизма.

Одним из базовых постулатов социальной теории, следующей из радикального конструктивизма, является тезис о том, что социальная реальность есть конструкт, создаваемый в процессе его осмысления [1]. А следовательно, сам образ как «сконструированная реальность» не имеет ничего общего с «реальной реальностью». Более того, попытка создания теоретического образа «фиксирует утопичность и бессмысленность постановки задачи поиска единственно верной и окончательной теории» [4, с. 45]. Такое понимание социальных феноменов не означает произвола в выборе научной теории или редукцию к субъективизму, а скорее позволяет сочетать различные «уровни реальности» и, как следствие, методологические позиции – объективные и субъективные, нормативные и интерпретативные. Часто субъективное отношение индивида к социальным процессам игнорировалось в ходе изучения социальных процессов, представляемых как независимых от «воли и сознания человека» и определяющих его. Конструктивистская позиция позволяет избежать одностороннего взгляда, вместе с тем обогащая и углубляя понимание как теории, так и практики социальных изменений. Итак, в общем виде теоретический образ – это «*содержание и результат теоретизации феномена <...> конструируемого средствами предметно-понятийной операционализации с учетом характера научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической), путем применения различных методологических (нормативных, интерпретативных) подходов*» [7, с. 71].

Следующий, третий, шаг в построении методологии исследования феномена модернизации – выявление адекватного подхода исследования. В соответствии с выбранной эпистемологической позицией таковым будет уже упомянутый нормативно-интерпретативный подход. Содержательно он означает сочетание нормативной парадигмы, понимающей общество как внешне заданную систему, обладающую принудительным значением для ее членов. Социальные изменения оказываются результатом объективных законов макроуровня, в которых личность имеет значение только как элемент структуры. Вторая позиция – интерпретативная, столь же «древняя», но гораздо менее популярная. Суть ее заключается в признании роли индивида в процессе социальных трансформаций. Некоторая социальная обстановка – суть только интерпретация, угол зрения, меняя который, индивид трансформирует саму реальность. Руководствуясь этим подходом, исследователь обращает внимание на смыслы и ценности, предаваемые окружающей действительности, а следовательно, вариативность этой действительности. Доказано, что такой парадигмальный синтез возможен. Опираясь на принцип дополнительности Н. Бора применительно к понятию социальной адаптации, М. В. Ромм пишет: «Полагаем, что использование принципа дополнительности и учет тех исследовательских горизонтов, которые оказываются благодаря ему в социологии, это вполне реальная возможность конструирования целостного, в его диалектической противоположности, бифокального методологического основания для системно-комплексного, разноуровневого анализа приспособительных процессов и соответствующих стратегий на индивидуальном, групповом и социальном приспособительных уровнях» [6, с. 143]. С нашей точки зрения, вполне допустима экстраполяция этого подхода на другие социальные феномены, в том числе, на феномен модернизации.

Очевидно, что теория модернизации во многом возникла и развивается на основании нормативной парадигмы. Теории конвергенции (С. Хантингтон, У. Ростоу), зависимости (А. Агилара, С. Амин и др.), модернизации

(Ш. Айзенштадт, Н. Смелзер, А. Турен) в качестве главных акторов социальных трансформаций признавали национальные государства или политические элиты, действующие «сверху», невзирая на специфику культурных и социально-психологических черт общества. Подобной направленностью известны работы, осуществляемые в рамках мир-системного анализа. Как следствие, основной аспект изучения – это национальное государство, экономика, политика и политические элиты.

Второе направление, которое можно отнести к интерпретативным, сформировалось относительно недавно. Главный отличительный аспект этого направления в том, что в успешном процессе модернизации не последнюю роль играет «специфический тип личности, который... характерен для современных обществ» [9, с. 175]. Среди представителей, работающих в данном направлении, можно назвать Р. Инглхарта и К. Вельцеля, некоторые работы Ш. Айзенштадта. При этом понимается, что модернизация – это не процесс, навязанный извне. Его успешность во многом будет зависеть от индивидуальных ценностей и личного выбора, национальных традиций. Игнорирование этого приводит к росту аномии и дезорганизации, а в конечном итоге – провалу модернизации. Именно поэтому в рамках теории модернизации появляются новые понятия, такие как «контрмодернизация» и «антимодернизация». По мнению З. Баумана, быть современным означает «постоянно опережать самого себя», т.е. об окончательной «гармонично развитой личности» стоит забыть, на смену ей приходит индивид, до конца не реализованный. Вообще, подобные замечания характерны для постмодернистического взгляда на модернизацию и ее последствия. Для нас же важно то, что подобные рефлексии вообще возникают, являясь, тем самым, индикатором интерпретативистского взгляда.

То же касается и механизмов (или источников) модернизации. П. Штомпка приводит несколько различных подходов в понимании источника социальных изменений. Так, первый из них исходит из «внешнего» источника преобразований, таких как интересы правительства, экономическая рентабельность крупных корпораций или даже геополитический интерес соседних держав. В таком понимании есть свои сильные стороны. Во-первых, подобные критерии вполне могут быть исторически проверяемы и эмпирически верифицируемы. Во-вторых, на их основе вполне может быть построена достаточно ясная модель социальных изменений, что, по сути, означает большую научность и абстрактность. Третье – возможность прогнозирования и, как следствие, контроль над социальными преобразованиями. И четвертое: наименьший учет человеческого фактора, во многом сложнопредсказуемый, а иногда просто не значимый в рамках этой парадигмы. Но есть и другой подход, его *дополняющий*. Основная идея тут заключается в том, что всякий процесс изменений – это деятельность людей. При этом отмечается: адекватное преобразование, в каком бы масштабе оно не производилось, невозможно без соответствующего «согласия» членов этого общества. Иными словами, необходимо «заражение» идеями модернизации, часто на примере стран, значительно продвинувшихся в данном направлении. Или же обратная сторона – выстраивание своего поведения принципиально против уже известных «навязываемых» стереотипов поведения. Так, несоответствие между реформами и мировоззрением К. Худ называет «плохим сюрпризом модернизации» [Цит. по: 10, р. 234-236]. Однако более детально уровень эмпирических данных здесь не может быть рассмотрен, поэтому в заключение попытаемся описать результат теоретического анализа.

Используя понятие теоретического образа на основе нормативно-интерпретативного подхода, можно представить модернизацию как многомерный процесс, сочетающий в себе теоретически разнонаправленные макро- и микроуровни социального анализа. Допуская возможность многофакторной модели модернизации, в дальнейшем теоретизировании необходимо опираться как на исследование общих закономерностей макропроцессов, так и на специфические черты модернизируемого социума. Именно игнорирование последних поставило теорию модернизации под сомнение и вызвало критику [Ibidem]. К счастью, на сегодняшний день столь односторонний взгляд отчасти преодолен, во многом благодаря указанным исследованиям и появлению новых терминов: «постмодернизация» и «демомодернизация».

Итак, конструирование теоретического образа модернизации (идея которого базируется на основе эпистемологических принципов радикального конструктивизма) в сочетании с нормативно-интерпретативным подходом позволяют в полной мере учитывать различные причины, условия и последствия процесса модернизации. Можно с уверенностью утверждать, что социальные процессы и изменения не могут быть адекватно поняты без комплексного учета порой противоречивых и разнонаправленных способов и уровней их интерпретаций. Теория модернизации имеет в своей основе достаточный теоретико-методологический потенциал (как нормативных, так и интерпретативных объяснительных теорий), необходимый для целостного понимания и, что главное, преобразования актуальных социальных процессов.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Кезин А. В. Радикальный конструктивизм: познание в «пещере» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 4. С. 3-24.
3. Мартинелли А. Глобальная модернизация: переосмысляя проект современности / пер. с англ. О. В. Мелец, А. В. Резаева; под общ. ред. А. В. Резаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 230 с.
4. Общество сетевых структур: монография / под общ. ред. М. В. Ромма, И. А. Вальдмана. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 327 с.
5. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А. В. Лазарева; вступ. статья Т. А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.
6. Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука (Сибирская издательская фирма РАН), 2002. 275 с.
7. Ромм Т. А. Социальное воспитание: эволюция теоретических образов. Новосибирск: Наука; Изд-во НГТУ, 2007. 327 с.

8. Цоколов С. А. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен, 2000. 333 с.
9. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
10. Eisenstadt S. N. Cultural Tradition, Historical Experience, and Social Change: the Limits of Convergence [Электронный ресурс]. URL: <http://tannerlectures.utah.edu/lectures/documents/eisenstadt90.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).
11. Margetts H., Perri T., Hood C. Paradoxes of Modernization: Unintended Consequences of Public Policy Reform. Oxford University Press, 2010.
12. Zapf W. Modernization Theory – and the Non-Western World [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliothek.wzb.eu/pdf/2004/p04-003.pdf> (дата обращения: 15.05.2013).

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERNIZATION THEORY

Zhuikov Aleksei Vladimirovich
Novosibirsk State Technical University
zhuikov2007@yandex.ru

The author considers the question of the methodological foundations of modernization theory, as the initial epistemological position uses the theory of radical constructivism, presents the basic argumentation of this theory, substantiates the applicability of social cognition, basing on normative-interpretive approach presents alternative positions on the process of modernization, suggests their methodological synthesis.

Key words and phrases: modernization theory; epistemological principles; social constructivism; normative-interpretative approach; social changes; modernization mechanisms; theoretical image.

УДК 34

Юридические науки

В настоящее время в России только начинает формироваться правовая основа участия институтов гражданского общества в реализации функций государства, формировании направлений государственной политики. Новое для нашей страны явление – государственно-частное партнерство – отражает данную тенденцию. В настоящей статье рассматриваются пути взаимодействия государства и институтов гражданского общества, дается теоретическое обоснование государственно-частного партнерства, анализируются возможности участия институтов гражданского общества в реализации экономической функции российского государства.

Ключевые слова и фразы: гражданское общество; государство; государственно-частное партнерство; институт гражданского общества; правовая форма.

Засимов Дмитрий Михайлович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
secretsouting@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА[©]

В современном мире наблюдается тенденция усиления сотрудничества государства и институтов гражданского общества, которое проявляется в таких сферах как инфраструктура, транспорт, здравоохранение, образование. Организации в этих сферах имеют стратегическое значение для государства, при этом объем средств, выделяемый им для поддержки и развития данных сфер, является недостаточным. Гражданское общество, напротив, заинтересовано в развитии социально ориентированных отраслей. В этой связи широкое распространение получила такая правовая форма взаимодействия государства и институтов гражданского общества как государственно-частное партнерство, особо актуализированное в условиях мирового финансового кризиса, который предопределил потребность многих отраслей экономики в государственном субсидировании.

Государственно-частное партнерство является феноменом общества с плюрализмом форм собственности, конкуренцией, развитием частного предпринимательства. Это предопределило становление и развитие между государством и компонентами гражданского общества, так называемого, государственно-частного партнерства. Практика доказала закономерность его возникновения. Тем не менее, логично предположить, что продуктивность этих отношений в определенной степени зависит от эффективности взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Участники, соблюдающие условия и приоритеты партнерства, правила политической игры, в значительной степени предопределяют их успех.

В настоящее время в России происходят широко обсуждаемые гражданским обществом возможности и пути сотрудничества государственной власти и институтов гражданского общества. По нашему мнению, диалог государства с гражданским обществом должен быть построен на принципах свободы и равенства сторон, таким